

УДК: 34 (091) (571.5)
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-167-171

**ИССЛЕДОВАТЕЛИ ССЫЛКИ И КАТОРГИ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ
БЕГЛЫХ КАТОРЖАН С МЕСТНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ ЗАБАЙКАЛЬЯ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII–XIX вв.**

© Хармаев Юрий Владимирович

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
kharmaev@mail.ru

Рассматриваются вопросы, посвященные реализации уголовного наказания в виде ссылки и каторги в Сибири (Забайкалье), его влиянию на менталитет местного населения. Автором анализируются мнения известных исследователей XIX в. (писателей, краеведов, этнографов, правоведов и др.) о взаимоотношениях беглых каторжан с коренными жителями Сибири. Автор использует следующие методы: исторический, документальный, сравнительный, контент-анализ. В заключение отмечается, что современные деструктивные субкультуры несут в себе очень многое из того, что можем различить в зарождающейся каторжанской идеологии.

Ключевые слова: ссылка и каторга, Сибирь, побеги, инородцы, влияние, преступление.

**RESEARCHERS OF EXILE AND KATORGA ON THE RELATIONSHIPS
OF FUGITIVE CONVICTS WITH THE INDIGENOUS INHABITANTS OF TRANSBAIKALIA
OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE XVIII-XIX CENTURIES**

Yury V. Kharmaev

Cand. Sci. (Law), A/Prof., Head
Department of Criminal Procedure and Criminalistics,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
kharmaev@mail.ru

The article deals with the issues related to implementing the criminal punishment in the form of exile and hard labour in Siberia (Transbaikalia), its impact on the mentality of the local population. The author analyzes the opinion of famous researchers of the XIX century (writers, local historians, ethnographers, lawyers, etc.) about the relationship of fugitive convicts with the indigenous inhabitants of Siberia. The author uses the following methods: historical, documentary, comparative, content analysis. In conclusion, it is noted that modern destructive subcultures carry a lot of the emerging convict ideology.

Keywords: exile and penal servitude, Siberia, shoots, foreigners, influence, crime.

Особенности криминогенной обстановки в местах реализации уголовного наказания в виде ссылки и каторги, а точнее в Сибири и в Забайкалье, можно проанализировать не только на основании редких статистических данных Главного тюремного управления (далее ГТУ) и специализированных журналов, но и по тем исследованиям, которые проводились специалистами: краеведами, писателями, правоведами того времени¹.

В предыдущих работах нами уже отмечалось, что подавляющее большинство авторов отмечало особенности негативного влияния ссылки и каторги на криминогенную ситуацию окраинных территорий России [Хармаев, 2020, с. 11, 9, 44]. Также вплоть до наших

¹ Максимов С. В., Кеннан Дж., Серошевский В., Андреоли Э., Прыжов И. Г. и др.

дней этот вид наказаний внес определенный негативный вклад в виде каторжанской субкультуры, впоследствии, в советские и постсоветские годы, адаптированной под себя преступной средой. На наш взгляд, возможно, в этом заключается разгадка приверженности отдельной категории граждан Забайкалья, в т. ч. и молодежи, к различным существующим современным криминальным субкультурам. Подчеркнем, что современные деструктивные субкультуры несут в себе очень многое из того, что представляла из себя каторжанская субкультура, и, к сожалению, не только сленг, жаргонные слова и тюремные песни.

Наиболее значимый вклад в раскрытие данной проблематики, по нашему мнению, принадлежит известному краеведу и этнографу, члену Русского географического общества С. В. Максимову, который в своем труде «Сибирь и каторга» очень точно и ярко осветил отмеченные выше вопросы. Заслуга автора заключается не только в описании ссылки и каторги как вида наказания, применявшегося тогда в Российской империи, но и подробного описания отправки преступников на каторгу «по этапу», взаимоотношения их с окружающими, побегов из мест лишения свободы. Он один из первых исследователей, кто в приложениях к своим работам подробно остановился на словаре жаргонных слов и выражений, а также скрупулезно собрал песни, баллады и стихотворения каторжан. Автор немало места уделил описанию жизни каторжан «в бегах», так называемых «бродяг» и их общению с местным сибирским населением. С. В. Максимов пишет, что «бродягам» без воровства не выжить: «что украдешь, тем и поживешь; ешь прошенное, носишь брошенное, живешь краденым». По мнению писателя, сибирское население неодинаково относилось к беглецам. Более всего боялись «бродяги» попасть к представителям казачества, как наиболее приближенного к властям, которое охотно выполняло требования по поимке беглых каторжан за вознаграждение. Как отмечается в работе, «начальство Петровского завода, где работало много каторжных, платило за каждого пойманного 10 рублей ассигнациями, а за убитого 5 рублей. В 1870-х годах почти по всей Сибири шла отчаянная ловля бродяг, так как крестьянам было объявлено от начальства, что им за каждого пойманного бродягу будут платить 3 рубля, и платили» [Максимов: эл. ресурс]. Бывали и такие ситуации, когда сибиряки пристраивали к себе бежавших каторжан, а после, когда зарождалось доверие между ними, сдавали всех без остатка, тем самым получая свою выгоду.

При этом С. В. Максимов все же отмечает, что именно сибирским крестьянам свойственна готовность принимать и обогревать ссыльных. В этом случае действует не столько чувство сострадания к голому и голодному искателю приключений, а социальная близость, ведь многие из них являются потомками таких же гонимых и угнетенных каторжан. С одной стороны, они помнят о своем происхождении, что их отец или их дедушка был сам осужденным. Что-то вроде солидарности толкает их к тому, чтобы не предавать этих несчастных сбежавших людей. Наиболее смелые их привечают и дают им ночлег; другие дают под ночлег небольшой сарай, в котором живут в полях во время сбора урожая или сева. Им порой не страшны были угрозы ответственности за укрывательство беглых, за «пристанодержательство», наоборот, во многих сибирских домах-избах имелись специальные места, куда выставлялись на ночь молоко, хлеб, соль. Указанные продукты выставлялись не столько из жалости, сколько из боязни быть ограбленными или сожженными. Как отмечает автор, «отбиваются бродяги и совершают убийства только в таком крайнем случае, когда встречаются вооруженное нападение, озлобленность и жестокость со стороны нападающих. Голод тут играет немаловажную роль, и бродяга собственно в сибирских странах — мирный путник, не решающийся никого обидеть из боязни самому быть обиженным» [Там же].

Другой исследователь, представитель североамериканских штатов, Джордж Кеннан в своей работе «Сибирь и ссылка» также затрагивает негативные нравственные стороны ссылки и каторги, которые зачастую связаны с женами и детьми, последовавшими на каторгу за преступниками-мужьями. «Учреждением института «свободных команд» правительство надеялось достигнуть нравственного улучшения каторжников, но, на мой взгляд, результаты не оправдали этой надежды: «свободная команда» способствует лишь большому развитию разврата, пьянства и других пороков. Обычай позволять женам и детям каторжников следовать в ссылку за главой семьи лишь способствует деморализации. ...В поселениях ссыльных даже те женщины и девушки, которые остались нетронутыми пороками в 200–300 переполненных этапных тюрьмах, начинают предаваться разгульной и развратной жизни». Основной вывод автора заключается в том, что институт ссылки и каторги в первую очередь негативно сказывается на нравственном состоянии местного сибирского населения [Кеннан, 1906, с. 323].

Польский этнограф-сибиревед, писатель и публицист Вацлав Серошевский в своих исследованиях также отмечает, какое негативное влияние ссыльные и каторжники оказали на инородцев (якутов), проживавших в Якутской области. Как отмечает автор, сосланные в инородческие улусы семейные поселенцы представляют опасность не только своим наглым поведением, сколько формируют у местного населения такие же вредные привычки и преступные наклонности. «Поселенец такой живет настоящим «баринном» на фоне содержащей его инородческой, вечно голодной нищеты. Он мало работает и требует себе почета от людей, за счет которых кормится. Жилище его делается обыкновенно игорным домом и притоном бродячих и местных преступных элементов. В этих притонах образуются шайки конокрадов, дорожных грабителей, держащих в ужасе иногда весь округ. Якуты боятся и ненавидят «посельщиков», сознают вредное их влияние на своих сородичей, у которых последние учатся организованному воровству и разбоям. Изредка доведенные до отчаяния инородцы жестоко мстят мучителям» [Серошевский, 1908, с. 233].

Далее автором подчеркивается, что поселенцы, сосланные поодиночке, не представляют большой угрозы, но там, где их несколько, особенно в городах и крупных поселениях, организуются шайки и отравляют своим преступным поведением окружающее население. «Ни один крупный грабеж, убийство, воровство в Сибири не обходится без переселенческой закваски. Ссыльные являются начальниками, организаторами и учителями всякого рода татей. А те поселенцы, которые приобрели оседлость или занялись ремеслом, торговлей, извозом, являются всегда почти пособниками, укрывателями, притонщиками и покупателями краденого. Да иначе быть не может. Крепко привитая в остроге арестантская мораль обязывает их покрывать товарища, дать ему приют, помочь в беде деньгами, пищей, указаниями. Иначе ему самому угрожает опасность быть убитым и спаленным ими». Подводя итог, В. Серошевский отмечает: «Понятно, почему туземцы — инородцы и русские сибиряки — так подозрительно и враждебно относятся к попыткам ссыльных основаться, устроиться; почему препятствуют им в этом. Более удобным они для себя находят тот прием по отношению к носителям преступных наклонностей, какой практикует власть в Европейской России: возможно быстрое удаление их прочь из своей среды. Это, несомненно, способствует развитию бродяжничества».

Эмиль Андреоли в своих воспоминаниях «Из Польши в Сибирь (дневник военнопленного, 1863–1867)» также отмечает особенности взаимоотношений беглых каторжан с местным населением. Он прямо указывает: «В крае за Байкалом располагаются их наиболее жестокие враги — буряты. Они не пытаются делать это с целью оказания услуги правительству; они абсолютно не намерены просто ловить только что сбежавших людей, которые имеют с собой несколько рублей либо немного золотого песка. В любом случае

их одежда и их сапоги всегда лучше, чем животные, которых они убивают. Самая азартная охота для охоты — охота на человека» [Андреоли, 2011, с. 216].

Писатель и публицист Иван Гаврилович Прыжов в «Записках о Сибири» затрагивает вопрос об отношениях сибиряков с бродягами, носящими страдальческое имя «горбач», т. е. человек, горем и нуждой сгорбленный до земли [Эл. ресурс]. И. Г. Прыжов под псевдонимом Благовещенский печатается в «Вестнике Европы» (1882, кн. IX, с. 291–325), где отмечает: «Кровожадность сибиряков доходила до того, что иркутский губернатор Руперт велел загонять на смерть 13 таких охотников за горбачами, и не так еще давно в Ачинске судился крестьянин за 14 убийств, совершенных над бродягами. Несомненно, что с примера коренных сибиряков обычай охотиться на бродяг перешел к бурятам. Дикарь бурят не жалеет бродягу и издавна сделал его предметом охоты. Иные из бурят, подобно сибирякам, даже целью жизни своей поставляют охоту за горбачами» [Прыжов: эл. ресурс].

Справедливости ради следует отметить, что на некорректный тон не только в отношении инородцев-бурят, но и в отношении всех местных русских сибиряков обратил внимание анонимный автор в «Восточном обозрении» за 1882, № 26, 27 [Критика, 1882, № 26, с. 15–16; № 27, с. 14–16]. Он, в частности, указывал, что так писать, как писал автор «Записок», — это равносильно об известной части русского населения распространять такого рода заблуждения, которые отдадутся на шкуру этого населения и заставят подозревать в нем такие качества, каких оно не имеет». Автор критической публикации далее продолжает свою мысль, что г. Благовещенский (Прыжов И. Г.) описывает беглых каторжан как «бродяг, никому не делающих вреда, замученных голодом и нуждою, думающих только об одном, как бы добраться «домой», дорогой занимаются работой, а сибиряки режут их и грабят» [Критика, № 26, с. 16]. По мнению автора, «бродяги, за немногим исключением, невинные, хорошие люди, а сибирское население — разбойники, ... грабящие и убивающие друг друга и режущие скромных и безвредных бродяг». Как-то уж слишком выделяется данное представление и характеристика беглых каторжан, отмеченные И. Г. Прыжовым, из общего контекста описания «бродяг» другими исследователями. Известный историк, литературовед, библиограф Б. П. Козьмин по указанной И. Г. Прыжовым публикации отмечал, что данное «утверждение Прыжова весьма далеко от действительности» [Козьмин, Нечаевец, 1927, с. 176]. К слову, И. Г. Прыжов в 1871 г. за убийство студента Иванова был приговорен к лишению всех прав состояния, к 12 годам каторжных работ и вечному поселению в Сибири, в Забайкальской области, 27 июля 1885 г., одинокий, больной, озлобленный не только против врагов, но и против друзей.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы:

1. Сосланные в Сибирь на вечное поселение уголовные преступники после отбытия каторжных работ в большинстве своем оказывались не готовыми к земледельческой и крестьянской работе и не пытались влиться в предписываемые им общества. Как правило, они уходили на золоторудные прииски или в более крупные населенные пункты и, имея за душой лишь криминальный опыт, уходили «в бега» и чтобы выжить, вновь совершали преступления.

2. В соответствии с нормативно-правовой базой Российской империи¹ местные сибирские и инородческие сообщества обязаны были оказывать помощь в реализации ссылки и каторги на местах: содержание караулов, сельских и волостных тюрем (за счет собираемых государством налогов), ведение делопроизводств в отношении ссыльных и др. Осуществляя указанные полномочия, местное население вынуждено было повседневно общаться с уголовно-преступным элементом.

¹ Уставом о ссыльных от 1822 г.

3. Каторжанам, находящимся в бегах (бродягам), чтобы выжить, зачастую приходилось посягать на имущество и собственность, а порой и на жизнь сибиряков и инородцев. Все это и формировало ответную реакцию со стороны местного населения, вырабатывало у них пагубные стереотипы поведения и создавало благоприятную среду для развития преступности.

4. Также следует отметить, что и местное население, в т. ч. буряты, в Прибайкальском регионе совершало преступления и они также в соответствии с правовыми нормами о ссылке приговаривались к различным видам наказаний. Жители Сибири за совершение преступлений могли быть направлены в ссылку из родных мест. Согласно статье 36 Уложения о наказаниях 1857 г., жители Прибайкальского региона могли быть отправлены на север, в Якутскую область: «Для жителей губерний Енисейской и Иркутской, области Забайкальской и градоначальства Кяхтинского, в область Якутскую» [Свод законов, 1857].

5. Отбывший наказание бывший осужденный, оставшийся на поселении в Сибирском регионе, в соответствии с приговором суда оказывается без работы, без жилья, без средств к существованию. Имея за плечами криминальное прошлое плюс отсутствие конкретного контроля и надзора со стороны уполномоченных властями органов, ссыльнопоселенец может только путем совершения преступлений обеспечить свое существование в регионе, тем самым усугубляя криминогенную обстановку на окраинных территориях Российской империи.

Литература

1. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка / пер. с англ. СПб.: Изд. В. Врублевского, 1906. 458 с.
2. Козьмин Б. П., Нечаевец И. Г. Прыжов в его письмах // Каторга и ссылка. 1927. № 14 (33). С. 176.
3. Критика и библиография // Восточное обозрение. СПб., 1882. № 26. С. 15–16.
4. Критика и библиография // Восточное обозрение. СПб., 1882. № 27. С. 14–16.
5. Максимов С.В. Сибирь и каторга. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/3215-maksimov-s-v-sibir-i-katorga-v-3-h-ch-spb-1871> (дата обращения: 25.01.2022).
6. Прыжов И. Г. Записки о Сибири. URL: http://az.lib.ru/p/pryzhov_i_g/text_1882_01_zapiski_o_sibiri.shtml (дата обращения: 25.01.2022).
7. Серошевский В. Ссылка и каторга в Сибири // Сибирь: ее современное состояние и ее нужды: сб. ст. / под ред. И. С. Мельника; изд. А. Ф. Девриена. СПб., 1908. С. 201–233.
8. Хармаев Ю. В. К вопросу о совершенствовании современных уголовных наказаний в контексте дискуссий о дальнейшем использовании или отмене института ссылки и каторги в Российской империи // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2020. Вып. 2. С. 11–17.
9. Хармаев Ю. В. Уголовная ссылка как негативный фактор влияния на менталитет местного населения в Российской империи в XIX в. // Вестник Бурятского государственного университета. Юриспруденция. 2019. Вып. 1. С. 38–44.
10. Андреоли Э. Из Польши в Сибирь (дневник военнопленного, 1863–1867) / пер. с фр. А. С. Гулина. Чита: Экспресс-изд-во, 2011. 332 с.
11. Свод законов Российской империи. Изд. 1857 г. Т. XV. С. 8–9.